

•
**БОРИС
АКУНИН**

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА

ЦАРЬ ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ

*Азиатская
европеизация*

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(47+57)"12/15"
ББК 63.3(2)43
А44

*Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

Проект «История Российского государства» издается с 2013 года

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

М.В. Бабич,
доктор исторических наук (РГАДА)

А.Б. Каменский,
доктор исторических наук (НУ ВШЭ)

И.В. Курукин,
доктор исторических наук (РГГУ)

Оформление переплета — *А.В. Ферез*
Карты — *М.Д. Романова*
Художник — *И.А. Сакуров*

В оформлении использованы иллюстрации, предоставленные агентствами
МИА «Россия сегодня», Diomedea и свободными источниками

Акунин, Борис.

А44 Азиатская европеизация. История Российского государства. Царь
Петр Алексеевич / Борис Акунин. — Москва : Издательство АСТ, 2022. —
384 с.: ил. — (История Российского государства).

ISBN 978-5-17-147636-6

Тридцатилетие, в течение которого царь Петр Алексеевич проводил свои преобразования, повлияло на ход всей мировой истории. Обстоятельства его личной жизни, умственное устройство, пристрастия и фобии стали частью национальной матрицы и сегодня воспринимаются миром как нечто исконно российское. И если русская литература «вышла из гоголевской шинели», то Российское государство до сих пор донашивает петровские ботфорты.

Эта книга про то, как русские учились не следовать за историей, а творить ее, как что-то у них получилось, а что-то нет. И почему.

УДК 94(47+57)"12/15"
ББК 63.3(2)43

© В. Akunin, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Предисловие

Период, описываемый в этой книге, очень короток, даже короче царствования Петра I (1682–1725), потому что поначалу монарх правил лишь номинально, и события тех лет изложены в предыдущем томе. Однако тридцатилетие, в течение которого Петр Алексеевич проводил свои преобразования, имеет огромную важность. Оно определило последующую судьбу страны и существенно повлияло на ход мировой, прежде всего европейской истории.

Произошло весьма значительное переустройство российского государства, притом не в результате национальной катастрофы, как в пятнадцатом веке после монгольского ига или в семнадцатом после Смуты, а вследствие сознательно осуществленных реформ. Этот опыт заслуживает внимательного изучения.

Реконструкция государства была вызвана причинами вполне объективными (несовершенством прежней модели), но в ее ходе прослеживается немало и субъективного, идущего от личности человека, который инициировал и возглавил этот процесс, а поскольку личность была довольно причудливой, столь же колоритной получилась и эпоха.

Писать о Петре и его времени оказалось очень непросто.

У нас есть четыре крупных исторических деятеля, отношение к которым окрашено сильными эмоциями: Иван Грозный, Ленин, Сталин — и Петр Великий. Об этих правителях страстно спорят не только историки. Каждое имя здесь — символ, за которым стоит определенная идеология и свой взгляд на государственное устройство.

Из-за Петра ломали и ломают меньше копий, чем из-за трех остальных, но тем чаще на него ссылаются, ставят в пример и назидание. Этим правителем у нас обычно восхищаются, его чтут и любят, однако полного единомышля тут все же никогда не существовало. Да, большинство авторов оценивают первого императора с большей или меньшей степенью восторженности, а тех, кто отказывается признавать за Петром величие, очень немного — но все же они есть, в том числе такие, от которых не отмахнешься.

Приведу две полярные оценки. Они принадлежат не ученым, а литераторам, величие каждого из которых — если уж говорить о величии — не уступает петровскому.

Благоговейно-признательная точка зрения большинства отражена в хрестоматийных строках Пушкина:

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Но вот у Льва Толстого фигура Петра вызывает омерзение и ужас: «Беснующийся, пьяный, сгнивший от сифилиса зверь четверть столетия губит людей, казнит, жжет, закапывает живых в землю, заточает жену, распутничает, мужеложествует, пьянствует, сам забавляясь рубит головы, кощунствует, ездит с подобием креста из чубуков в виде детородных членов и подобиями Евангелий — ящичком с водкой славит Христа, т. е. ругается над верою, коронует б... свою и своего любовника, разоряет Россию и казнит сына, и умирает от сифилиса, и не только не поминают его злодейств, но до сих пор не перестают восхваления доблестей этого чудовища, и нет конца всякого рода памятников ему» (знаменитый фрагмент из черновика к рассказу «Николай Палкин»).

Доблести Петра действительно восхвалялись во все времена: и при монархии, и в СССР, и в постсоветской России. Дело в том, что этот правитель импонирует обоим исстари противоборствующим лагерям — как «государственникам», так и «либералам», но очень по-разному. Первым царь нравится как создатель мощной военной державы, вторым — как западник, повернувший страну лицом к Европе.

В российском массовом сознании образ Петра Первого прочно сформирован одноименным романом другого Толстого, Алексея Николаевича. Это замечательно талантливое произведение показывает царя патриотом и носителем высоких замыслов, однако в более раннем рассказе тот же автор изображает царя совсем иначе — грубым, нелепым, зверообразным самодуром: «Что была Россия ему, царю, хозяину... О добре ли думал хозяин, когда с перекошенным от гнева и нетерпения лицом прискакал из Голландии в Москву». Когда другой «хозяин», Иосиф Сталин, велел всей

стране полюбить Петра, переменял свою точку зрения и писатель, но трудно сказать, как он, хорошо изучивший исторические документы, относился к императору на самом деле.

Должен сказать, что перед началом работы мое собственное представление об исторической роли реформатора было близко к пушкинскому, однако я решил, что отрешусь от всех прежних знаний и буду знакомиться с Петром Алексеевичем словно бы заново, главным образом опираясь не на суждения историков, а на источники, благо их более чем достаточно. Есть и документы, и многочисленные свидетельства современников. Петр — первый русский монарх, который был открыт для широкого общения, много времени проводил за границей и *был всем интересен*. Интересной для мира впервые стала и Россия, на которую в Европе раньше почти не обращали внимания. Об удивительном царе очень много писали, в особенности иностранцы. Есть и русские мемуаристы, конечно, менее свободные в своих суждениях, зато лучше понимавшие суть происходящего. Голоса эти разноречивы, но в своей совокупности дают полную и выпуклую картину эпохи.

Заходя вперед, скажу, что в результате этого обильного чтения мои представления о Петре и мое понимание сути его деятельности существенно переменялись, но свои выводы я изложу в самой последней, заключительной главе, и очень возможно, что читатель с ними не согласится.

Остается объяснить, как устроена книга.

Те, кто читал предыдущие части моей «Истории», уже знают, что принцип организации материала от тома к тому меняется. У каждого исторического периода своя специфика, и удобнее вести рассказ, применяясь к этим особенностям.

В данном томе четыре раздела.

Первый целиком посвящен фигуре Петра. Без знания и понимания того, что представлял собой этот человек, трудно было бы понять, почему события шли так, а не иначе. Обстоятельства его личной жизни, черты характера, умственное устройство, система взглядов, пристрастия и фобии, даже состояние его здоровья — все эти, казалось бы, частности оказывали немалое влияние на жизнь страны, а некоторые из них стали частью национальной матрицы и сегодня воспринимаются миром как нечто исконно российское. Если русская литература вся «вышла из гоголевской шинел-

ли», то про российское государство можно сказать, что оно до сих пор донашивает петровские ботфорты.

Второй раздел называется «События». Это последовательное, хронологическое изложение событий царствования, разделенное на 13 временных узлов.

Третий раздел — тематический. В нем вычленены главные направления, по которым жизнь страны изменилась в ходе реконструкции.

Наконец, в четвертом разделе дается групповой портрет членов петровской «команды» — соратников и помощников, без которых государь не осуществил бы ни одного из своих масштабных замыслов. Всё это люди сильные, яркие, дети своей эпохи и в то же время ее творцы.

Эта книга вообще про то, как предки учились не следовать за историей, а *творить* ее, как что-то у них получилось, а что-то нет. И почему.

ЛИЧНОСТЬ

Воспитание

Воспитания как такового Петр, в общем, никакого не получил — если иметь в виду под воспитанием сознательную и ответственную подготовку вероятного наследника престола к высшей власти. Это упущение нельзя списать на примитивность тогдашних педагогических представлений, ведь предыдущие цари, Федор и Алексей, на заре жизни прошли весьма неплохую по тем временам выучку, которая сделала их образованными (пусть в старомосковском понимании) людьми и обучила «царскому ремеслу». Но отрочество Петра прошло в весьма специфической обстановке, когда им никто всерьез не занимался, и даже скромным премудростям русского семнадцатого века мальчика учили из рук вон плохо.

Впрочем, раннее детство царевича не предвещало никаких отклонений от давно разработанного порядка. Четырнадцатый по счету ребенок государя Алексея Михайловича появился на свет 30 мая 1672 года. Впечатляющая многодетность монарха (всего у него будет шестнадцать отпрысков) обманчива. Для продолжения династии значение имело лишь мужское потомство, пережившее детский возраст; таких сыновей у царя к моменту рождения Петра было только двое, и оба очень нездоровые — как говорится, «не жильцы».

Третий сын родился крепким, и можно было надеяться, что он выживет. В Кремле от великой радости три дня звонили в колокола и палили из пушек.

«Нормальное царское детство» у Петра продолжалось десять лет, пока правили его отец, умерший в 1676 году, и старший брат Федор Алексеевич, прохворавший всю свою короткую жизнь и скончавшийся весной 1682 года.

В пять лет, как положено, маленького царевича начали учить азбуке, часослову, псалтырю, евангелиям. Учил подьячий Никита Зотов, который, кажется, плохо справлялся со своим делом — оно и неудивительно, если учесть последующую карьеру этого субъекта во Всешутейшем, Всепьянейшем и Сумасброднейшем Соборе. Зотов был человеком никчем-

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

ным, большим пьяницей. Он не смог научить своего подопечного даже грамотному письму. При всей условности тогдашней орфографии царские записи выглядели чудовищно. «Он пишет невозможно, — сетует В. Ключевский, — не соблюдает правил тогдашнего правописания, с трудом выводит буквы, не умеет разделять слов, пишет слова по выговору, между двумя согласными то и дело подозревает твердый знак: “всегда”, “сътърелять”, “възяфь”».

Еще ужасней был почерк, по чистоте которого тогда отличали образованного человека. В петровских каракулях, совершенно неудобочитаемых, сегодня могут разобраться только специалисты.

Возможно, в дальнейшем царевичу больше повезло бы с учителями, но в мае 1682 года в жизни мальчика случился коренной перелом: он был объявлен русским самодержцем, вначале единоличным, а после стрелецкого бунта — вместе с братом Иваном.

Не буду пересказывать эти политические пертурбации, подробно описанные в предыдущем томе. Сейчас они интересуют нас лишь с точки зрения петровского воспитания и образования. Первое катастрофически исказилось; второе фактически прекратилось.

Тому несколько причин.

Во-первых, статус монарха, пускай номинальный, возлагал на мальчика серьезные, главным образом церемониальные обязанности и заставлял окружающих относиться к нему иначе — какой-никакой, а государь.

Во-вторых, положение Петра после захвата власти царевной Софьей сделалось непрочным и двусмысленным: правительница и ее окружение воспринимали Петра как угрозу. Чем неразвитее и, если так можно выразиться, *глупее* оставался «младший царь», тем меньше было оснований его бояться. Софья и ее фаворит Василий Голицын делали ставку на «старшего царя», недееспособного Ивана, а двор Петра третировали и обделяли деньгами; дельных, толковых людей, из которых могли бы получиться хорошие воспитатели и учителя, близ подростка не было.

Имелась тут и еще одна интересная особенность. В ту эпоху всем вроде бы заправляли мужчины, но Петр вырос в мире, где доминировали женщины. Страной правила царевна Софья Алексеевна, главой оппозиции была царица Наталья Кирилловна. Мужчины обеих партий находились в подчинении. В зрелом возрасте Петр будет начисто лишен обычной для старой Руси мизогинии, выпустит женщин из запертого терема, станет относиться к ним как к равным, а свою избранницу возысит до положения соратницы, дав старт грядущему «веку женщин».

ЛИЧНОСТЬ

Маленький Петр целиком находился на попечении матери, вдовствующей царицы Натальи, и ее родственников Нарышкиных, совершенно не заботившихся об обучении мальчика. К этому времени как раз закончилась начальная стадия учебы, на которой Петр худо-бедно освоил грамоту, Писание и церковное пение. Далее, по уже сложившемуся порядку, он должен был перейти на попечение монахов киевской школы, которые преподавали бы ему грамматику, риторику, философию, диалектику, а также латынь, греческий и польский языки, — именно так, по западнорусской системе, учились его старшие братья и сестры. Однако постичь все эти премудрости Петру было не суждено. Как пишет С. Платонов, царь

Петр I в детстве. Неизвестный художник. XVII в.

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

остался «неучем и невеждой». Получи мальчик стандартное «славянское» образование, вряд ли он впоследствии так жадно тянулся бы к Европе, но вместо греческо-киевской схоластической учености Петр увлечется другой системой знаний — немецкой, прагматической. Этим на всю жизнь и определится направление, в котором будет развиваться его бойкий ум.

«Дядьками», то есть воспитателями Петра, в это время были брат царицы Лев Нарышкин, еще один родственник — окольный Тихон Стрешнев и князь Борис Голицын. Известный мемуарист князь Куракин, хорошо знавший жизнь царского двора, дает всем троим нелестные характеристики: юный Лев Нарышкин (всего на восемь лет старше питомца) «невоздержан к питию» и «гораздо посредняго ума»; Стрешнев — дворцовый интриган и тоже неумен; Голицын хоть и умен, но пьяница и «к делам неприлежной, понеже любил забавы». Мы увидим, как беспомощно себя проявит нарышкинская партия после 1689 года, когда получит власть над государством.

Находясь на попечении этой троицы, царственный отрок, в общем, был предоставлен сам себе: занимался только тем, что увлекало, и учился только тому, что вызывало любопытство.

Интересы юного царя ограничивались двумя сферами — он любил военные игры и механические устройства.

Сохранились документы, по которым можно восстановить постепенную эволюцию интересов и запросов мальчика, подростка, юноши.

Сначала для него закупали игрушечное оружие, потом настоящее, затем дошла очередь и до более серьезного снаряжения. У десятилетнего царя была «потешная» площадка с деревянными пушками, где он играл в войну с «потешными ребятами», своими сверстниками из детей дворцовой челяди. Но уже через год в подмосковном селе Воробьеве Петр начинает палить из настоящих орудий. В тринадцать лет он строит на Язу маленькую крепость с башнями и подъемным мостом, она называется Пресбург — стало быть, в этом возрасте царь уже любит все немецкое. «Ребятки» подрастают, их становится больше, счет уже идет на сотни. Часть живет в Преображенской слободе, часть в Семеновской — так зарождаются две будущие гвардейские части российской армии. Эти живые игрушки учатся маршировать, дуют в трубы, бьют в барабаны, устраивают стрельбы. Не нужно впрочем преувеличивать боевую мощь «потешных» батальонов, как это делают некоторые авторы, утверждая, что те сыграли важную роль в августе 1689 года, когда Нарышкины отобрали власть у правительницы Софьи. Преображенцы и семеновцы то-

ЛИЧНОСТЬ

гда еще были слабы и не могли бы защитить Петра от московского гарнизона — победу обеспечил раскол среди стрельцов и переход регулярных солдатских частей на сторону «младшего царя». Свою роль петровские «солдатики» сыграют позже.

Не меньше, чем военными забавами, юный царь увлекался всякого рода техническими устройствами — любими. У мальчика была отличная практическая сметка, острая сообразительность и ловкие руки. В 12 лет он приказывает купить «каменщицкую снасть» — молотки и лопатки. Потом ему прямо в хорах устанавливают какую-то кованую медную доску — вероятно, верстак. Далее Петр обзаводится плотничьим, столярным, кузнечным снаряжением. Больше всего — до конца жизни — он полюбит токарное дело и впоследствии достигнет в нем изрядного мастерства. Став постарше, юноша велит привезти ему из Европы готовальню и астролябию. Более сложные инструменты требуют знания математики, и Петр начинает учиться точным наукам — бессистемно, но страстно. Известно, что с элементарными правилами арифметики он ознакомился лишь в шестнадцатилетнем возрасте, зато потом сразу перешел к баллистике и фортификации.

Учителя вроде Никиты Зотова таких дисциплин не знали, и Петр начинает окружать себя чужеземцами. В Москве конца семнадцатого века ничего удивительного в подобных контактах уже не было. Царский двор давно привык пользоваться услугами иностранцев, когда требовались какие-то навыки или познания, которыми не обладали русские. В свое время, в середине столетия, патриарх Никон приказал иноверцам селиться в одном месте, изолированно от православных, дабы те не соблазнились басурманскими богослужениями и обычаями. В результате рядом с Москвой вырос настоящий европейский городок — Кукуй, или Немецкая слобода, где и жили немецкие, голландские, британские, швейцарские офицеры, мастера, коммерсанты, промышленники. От основной резиденции Петра в Преображенском до Кукуя было всего два километра.

Первый нерусский учитель шотландец Пол Мензис (Павел Гаврилович Менезиус) у мальчика появился еще при жизни Алексея Михайловича, который ценил и отличал этого бравого солдата и дипломата. Пробыл он при маленьком Петре недолго, при Софье был выслан из Москвы, однако, кажется, именно Мензис привил мальчику любовь к солдатским играм и симпатию к европейцам.

В подростковом возрасте Петр уже сам истребовал себе учителя-иностранца. Произошло это при следующих обстоятельствах. Когда шестнад-

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

цатилетнему царю привезли из Франции астрoliaию, оказалось, что никто из русских не мог ею пользоваться. Разыскали некоего голландца Франца Тиммермана, который умел по инструменту исчислять широту, но любознательный Петр захотел овладеть этой хитростью сам. Пришлось заодно научиться у Тиммермана математике, геометрии и астрономии.

Потом в старом сарае нашлась диковинная лодка нерусской конструкции, на которой можно было плавать против ветра — знаменитый ботик. Царю доставили из Кукуя голландца Карстена Брандта. Двадцать лет назад он приехал в Россию по вызову Алексея Михайловича строить первый русский военный корабль «Орел». Судно сожгли люди Степана Разина, план флотского строительства провалился, и Брандт зарабатывал на жизнь плотницким трудом. Но, починив ботик и научив Петра управлять парусами, Брандт стал близким ко двору человеком, обучил своего подопечного множеству полезных вещей и привил ему страстную любовь к мореплаванию. Не будет преувеличением сказать, что это «хобби» определило историческую судьбу России.

Были около Петра в это время и другие иностранцы, у которых он учился тому, что его в данный момент занимало. Интересовали юного

Петровский ботик. Коллекция Центрального военно-морского музея в Санкт-Петербурге

ЛИЧНОСТЬ

царя в основном вещи практические: как метко стрелять из пушки, как чинить часы, как устроить фейерверк. Видные иностранцы, которых в Москве тоже хватало, пока власть находилась в руках Софьи, предпочитали держаться подалеже от «нарышкинского» двора, так что петровские «немцы» Преображенского периода — это в основном мастера, люди маленькие. Не воспитатели, а инструкторы.

В последующие годы Петр с его неумной любознательностью и активностью обучится еще множеству всяких наук и ремесел, будет свободно говорить на двух иностранных языках (голландском и немецком) и понимать французский, но так и останется человеком неотесанным, грубым — даже по меркам своего небонтонного времени. В зрелые годы он хорошо сознавал этот дефект и сетовал на ущербность собственного воспитания и образования.

Биографы обычно описывают юность реформатора, первые проявления его пытливости с умилением, однако сам Петр, кажется, никакой ностальгии по тем временам не испытывал. В пятидесятилетнем возрасте, заехав в давно заброшенное Преображенское, он внезапно, следуя какому-то странному порыву, приказал сжечь старый деревянный дворец — словно хотел вычеркнуть из памяти раннюю пору своей жизни. (Есть, правда, и другое объяснение, романтическое: в год завершения Северной войны царь предал сожжению дворец, где эта война была объявлена. Но по этой логике правителям пришлось бы истребить слишком много архитектурных сооружений.)

Когда режим Софьи рухнул, Петру было семнадцать лет. К этому времени он уже вытянулся во весь свой великанский рост (201 сантиметр) и был женат, но взрослым назвать его было трудно.

Драматические события августа—сентября 1689 года, когда судьба государства висела на волоске, обошлись, в общем, без участия «младшего царя». Всё, что он сделал — при первом (недоверном) слухе о стрелецкой опасности по-детски сбежал из Преображенского в Троицу, а в дальнейшем действиями «нарышкинцев» руководил Борис Голицын.

Но вот противостояние завершилось. Софью заточили в монастырь, «старший царь» на соучастие в управлении не претендовал — казалось бы, Петру самое время стать из номинального монарха подлинным самодержцем, однако выяснилось, что он совершенно не готов к управлению государством и даже не имеет подобных устремлений. «Детство» Петра растянулось еще на несколько лет.

Характер

Воспитание (вернее, его отсутствие), пережитые в детском возрасте потрясения и особенности психофизической конституции — вот факторы, повлиявшие на формирование личности Петра.

Человеку, которому выпала странная судьба родиться в августейшей семье и очень рано взойти на престол, трудно сохранить нормальную психику — на нем слишком сконцентрировано внимание окружающих, очень велик набор стрессов и обязательств. Ощущение своей вознесенности над всеми остальными людьми, не оправданное ничем кроме Божьей воли, создает особый тип психики, для которой свойственны крайний эгоцентризм и ослабленная эмпатия. Впору было бы исследовать патологическое состояние «Синдром самодержца».

Как мы увидим, главный оппонент Петра шведский король Карл XII, сформировавшийся при сходных обстоятельствах, получился личностью еще более диковинной, чем русский государь. В характере Петра странностей тоже хватало, но их и не могло не быть.

Представьте состояние десятилетнего мальчика, который живет своей детской жизнью и даже не считается наследником — царь Федор молод, а есть и еще один брат, Иван, шестью годами старше. Вдруг самодержец умирает, и маленький Петр оказывается в эпицентре свирепой борьбы за власть. Сначала верх берут его родственники Нарышкины, мальчика объявляют государем всея Руси, начинают оказывать ему все подобающие знаки внимания, заставляют участвовать в пышных, малопонятных ему церемониях. Затем происходит кровавый стрелецкий путч. На глазах у ребенка убивают его родственников и приближенных, он слышит истерические крики матери, видит свирепых, страшных людей, находится всецело в их власти. И вот он уже не самодержец, а «младший царь», которого отодвигают на задний план, третируют, унижают. Хуже того — мальчик постоянно опасается за жизнь, потому что взрослые вокруг него все время шепчутся о кознях Софьи, боятся, что Петра убьют или отравят.

ЛИЧНОСТЬ

▶ Во времена Московского царства вообще много шепчутся о ядах. Подобные слухи часто возникают в связи с внезапной смертью или странной болезнью венценосной особы. Поговаривали, что от «злого зелья» умерли первая жена Ивана IV Анастасия и царь Федор Иоаннович, в 1605 году официально объявили, что отравился Борис Годунов. Попыткой отравления иностранцы-современники объясняли и знаменитые петровские судороги (о них речь ниже), несомненно пересказывая то, о чем говорили в России. Голштинский посланник граф Бассевич много лет спустя пишет как о чем-то общеизвестном: «Припадки эти были несчастным следствием яда, которым хотела отравить его властолюбивая сестра София».

На самом деле убийства при помощи яда совсем не старомосковский метод устранения политических врагов — просто в силу недостаточного развития химии. Убивать убивали, но обычно более надежным образом: оружием. Что, впрочем, не мешало августейшим персонам панически бояться яда.

При таком детстве и у совершенно здорового человека возникли бы проблемы с психикой, а Петр здоровьем не отличался. Наследственность у него была очень тяжелая: и царь Алексей (1629–1676), и царь Михаил (1597–1646) без конца хворали и рано умерли. Сын Натальи Нарышкиной казался современникам крепышом лишь по сравнению с совсем уж хилыми сыновьями Марии Милославской. На самом деле Петр хоть и был физически силен, но часто болел, в зрелые годы постоянно лечился и прожил ненамного дольше, чем отец и дед.

В его облике ощущалась явная ненормальность, которую своим взглядом художника подмечает Валентин Серов, готовившийся написать серию петровских портретов: «Он [Петр] был страшный: длинный, на слабых, тоненьких ножках и с такой маленькой, по отношению ко всему туловищу, головкой, что больше должен был походить на какое-то чучело с плохо приставленной головой, чем на живого человека. В лице у него был постоянный тик, и он вечно кроил рожи: мигал, дергал ртом, водил носом и хлопал подбородком».

Речь здесь идет о хроническом тике, на который обращали внимание все, кто близко наблюдал царя. Левая половина его лица время от времени начинала дергаться, а иногда эти приступы переходили в серьезный припадок, когда спазм охватывал шею, глаза закатывались под лоб, начинались конвульсии обеих левых конечностей. Андрей Нартов, личный токарь царя (очень важная должность при петровской любви к токарному ремеслу), рассказывает в своих записках: «Государь поистине имел

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

иногда в ночное время такая конвульсии в теле, что клал с собою денщика Мурзина, за плеча котораго держась, засыпал, что я сам видел. Днем же нередко вскидывал головою кверху». Приступы происходили и в дневное время, в особо тяжелых случаях приводя к потере сознания. Обычно Петр приходил в себя через один-два часа, но однажды, в феврале 1711 года, пролежал так полтора дня. Граф Бассевич сообщает: «Появление припадков узнавали у него по известным судорожным движениям рта. Императрицу немедленно извещали о том. Она начинала говорить с ним, и звук ее голоса тотчас успокаивал его; потом сажала его и брала, лаская, за голову, которую слегка почесывала. Это производило на него магическое действие, и он засыпал в несколько минут. Чтоб не нарушать его сна, она держала его голову на своей груди, сидя неподвижно в продолжение двух или трех часов. После того он просыпался совершенно свежим и бодрым. Между тем, прежде нежели она нашла такой простой способ успокаивать его, припадки эти были ужасом для его приближенных, причинили, говорят, несколько несчастий и всегда сопровождалась страшною головною болью, которая продолжалась целые дни».

Петровская болезнь «причиняла несчастья» не только самому царю. Во время припадков Петр иногда впадал в неконтролируемое бешенство, совершая всякие чудовищные поступки. Возможно, впрочем, что последовательность была и обратной: ярость влекла за собой судороги.

В прежние времена было принято объяснять эту нервную болезнь психическими травмами детства. Так, кажется, считал и сам Петр. Нартов пересказывает слова государя: «От воспоманания бунтовавших стрельцов, гидр отечества, все уды во мне трепещут; помысля о том, заснуть не могу. Такова-то была сия кровожаждущая саранча!» Однако современные медики, анализируя симптомы, отвергают психогенную версию. Здесь явно прослеживаются признаки некой хронической невропатологии.

Согласно одной версии, Петр мог страдать синдромом Туррета, серьезным расстройством нервной системы, сопровождаемым моторными тиками. Приступы этой болезни нередко стимулируются сильным эмоциональным переживанием — как это происходило с царем. Люди с синдромом Туррета гиперактивны, подвержены атакам бешеного гнева и вообще склонны к обсессивно-компульсивному поведению.

Другое объяснение выдвинул американский невролог Джон Хьюз. Он предположил, что тяжелая болезнь, от которой Петр чуть не умер

ЛИЧНОСТЬ

зимой 1693–1694 года, была клещевым энцефалитом, повлекшим за собой осложнение в виде так называемой «кожевниковской эпилепсии». Для этой хронической болезни свойственны и судорожный симптом, и гемипарез (ослабление мышц одной половины тела), и эмоционально-психические нарушения. Известно, что у людей, страдающих этим видом эпилепсии, бывают периоды неконтролируемого веселья, сменяемые депрессией и страхами. Еще один симптом — склонность к чрезмерной детализации, как мы увидим, очень свойственная Петру.

Следует сказать, что и синдром Туррета, и эпилепсия никак не тормозят интеллектуальную деятельность — наоборот, бывает, что делают

Петр I. В.А. Серов

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

ее более интенсивной. Оба болезненных состояния нередко наблюдаются у гениев.

Я уделяю столько места рассказу о петровском недуге, потому что он может объяснять некоторые черты личности царя, давать ключ к его поведению и поступкам. Можно выразиться так: когда у самодержавного правителя спазмы, начинает трясти всю державу. Ну и, конечно, в железной, иногда иррациональной целеустремленности Петра прослеживаются явные признаки обсессивной компульсивности (например, в злосчастной эпопее Воронежского флота, о которой мы поговорим в свое время).

Итак, что же это был за характер? Каковы его особенности?

Прежде всего в глаза бросаются разнообразные проявления пресловутой гиперактивности — хотя бы просто на физическом уровне. Петр не может долго оставаться на месте, он все время в движении: вечно куда-то спешит, наскоро и неряшливо ест, при ходьбе быстро перебирает своими журавлиными ногами, так что свита сзади вынуждена нестись вприпрыжку. Так же быстро он и ездил — гнал лошадей во весь дух, часто без остановок, даже спал в санях или в коляске. Ему, кажется, было невтерпех долго оставаться на одном месте. Пишут, что и во время застолья он постоянно вскакивал, выбегал из помещения, потом возвращался.

Царь не мог находиться в роли пассивного зрителя, ему обязательно требовалось участвовать в любом действии. Поэтому, немного понаблюдав, как работает мастер или как оперирует врач, он немедленно сам хватался за инструмент. В 1717 году в Париже регент герцог Орлеанский как-то решил побаловать высокого гостя оперой — Петр очень скоро сбежал из зала, оставив всех в недоумении. При неразборчивом и жадном заимствовании каких угодно европейских новинок русское общество начала восемнадцатого века не пристрастилось к театру, потому что монарх не признавал развлечений, за которыми достаточно было просто наблюдать. Иное дело — самому участвовать в театрализованных шествиях и маскарадах или запускать фейерверки.

Не приходится удивляться, что, придя к власти, Петр совершенно разрушил московский церемониал, при котором государям приходилось бесконечно участвовать в долгих, неспешных ритуалах: сидеть истуканом на троне, часами стоять на молебнах, медленно шествовать во главе пышных процессий.

ЛИЧНОСТЬ

Но иногда нетерпеливая порывистость Петра мешала осуществлению его замыслов. Так, в 1698 году, во время Великого посольства, главной целью которого были переговоры с Венским двором, с немалым трудом добившись личной встречи с Леопольдом I, молодой москвитин произвел весьма несерьезное и невыгодное впечатление — нарушив протокол, которому при церемонном австрийском дворе придавали большое значение, он бросился навстречу императору гигантскими шагами, а потом, совсем уже ошеломив придворных, выбежал в парк, сел в лодку и начал бешено работать веслами. Такое поведение вряд ли помогло русско-австрийским переговорам, и без того трудным.

Нервическая энергичность сохранилась и в немолодом возрасте. Мы в подробностях знаем, как Петр строил свой день, когда не находился в дороге, а жил оседло, в своем любимом невском «парадизе».

▶ Вставал он в пятом часу утра и, словно разогреваясь, с полчаса просто *расхаживал по комнате*. Потом, после утреннего доклада, усаживался в легкую коляску и мчался по строительным объектам, которых в столице всегда имелось множество. Затем несся в Сенат, оттуда в Адмиралтейство. После недолгого обеденного отдыха снова фонтанировал энергией: принимал решения по многочисленным донесениям, писал свои бесконечные регламенты с инструкциями, занимался «Историей Свейской войны». Затем следовал досуг — тоже чрезвычайно активный. Царь работал на токарном станке или занимался каким-то другим ремеслом, потом отправлялся на ассамблею или какую-нибудь шумную попойку. Выходных дней у самодержца не бывало.

Следует сказать, что гиперактивность, какими бы физиологически или психологическими причинами она ни объяснялась, — очень ценное качество для правителя. Особенно если такой же динамичностью обладает его ум, а у Петра тело вечно не поспевало за стремительностью мысли. У этого человека беспрестанно возникали новые идеи, он ими загорался и немедленно приступал к их осуществлению. Но при этом (спасибо пресловутой obsессионности), увлекаясь новой целью, он не охладевал к прежней, так что с годами поставленные задачи всё множились. Царь был упорен и упрям — иногда до абсурдности, но без этой петровской «упертости» ни одно начинание не было бы завершено. Одна из самых сильных, позитивных черт Петра состоит в том, что он никогда не опускал руки и не смирялся с неудачей. Наоборот, поражение словно удваивало его энергию.

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

Не менее ценным порождением огня, всю жизнь опалявшего эту неспокойную душу, была жадная любознательность. Она с одинаковым пылом расходовалась на важные предметы и на чепуху, но сама всеядная широта петровских интересов не может не восхищать.

Петр не имел склонности к отвлеченным наукам и изящным искусствам, его занимало не теоретическое обоснование и не красота жизни, а ее механика, *практическая польза*. Знаменитый мемуарист герцог Сен-Симон, близко наблюдавший сорокапятилетнего Петра в Париже, пишет: «Сей государь поражает своим сугубым любопытством, которое всегда связано со сферами управления, коммерции, образования или полиции. Это всеохватно и касается даже самых мелочей, если в них обнаруживается полезность».

Петр I в Монплеzure (загородной Петергофской резиденции). В.А. Серов

ЛИЧНОСТЬ

В первое свое европейское путешествие царь отправился, желая в доскональности изучить кораблестроение, — и преуспел в этой профессии, пройдя выучку у лучших мастеров, голландцев и англичан. Считается, что к тому времени он уже освоил четырнадцать разных ремесел. Но Петр неустанно пополнял багаж знаний и в дальнейшем. Физика, химия, математика, ботаника, зоология, медицина, анатомия, астрономия, геология, география, палеонтология — вот далеко не полный перечень дисциплин, которыми интересовался его стремительный, ни на чем долго не задерживавшийся ум.

Но была в петровской порывистости и оборотная, черная сторона, проявлявшаяся в приступах необузданной ярости. Царь легко впадал в иступление и в гневе бывал страшен — казалось, он на время лишался рассудка, иногда из-за сущих пустяков. В таком состоянии он мог наброситься даже на тех, к кому относился с любовью и уважением. Однажды, пируя дома у Франца Лефорта, Петр кинулся со шпагой на своих ближайших товарищей — Шеина, Никиту Зотова, Ромодановского, причем последнего даже ранил. В другой раз он повалил на пол и бил ногами самого Лефорта, которого чтил больше всех людей на свете. Известны случаи, когда Петр, не помня себя, наносил своей тяжелой рукой и смертельные удары.

Иногда вспыльчивость выливалась в сцены совершенно отвратительные. В голландском городе Лейден царь с огромным интересом наблюдал, как знаменитый медик Герман Бургаве анатомирует труп, — и вдруг заметил, что кто-то из свиты взирает на эту жуткую процедуру с отвращением на лице. Мгновенно расвирепев, Петр велел чистоплюю рвать мертвеца зубами — и тот ничего, рвал, на глазах у обмерших аборигенов.

Когда требовалось выбить из какого-нибудь подозреваемого признание, Петр не брезговал лично участвовать в пытках, и, если допрашиваемый не сознавался, государь требовал все более жестоких истязаний. Ничем кроме болезненно-истерического возбуждения нельзя объяснить то, что самодержец собственноручно, на глазах у всех, рубил головы стрельцам во время массовых казней 1698 года. До такого, кажется, не опускался и Иван Грозный.

Полагаю, что еще одна особенность петровского характера, прославленная всеми биографами, — бытовая неприхотливость, тоже напрямую связана с нетерпеливостью.

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

Петр вечно торопился. Ему скучно было разряжаться — и он одевался попросту, как придется: обычно не носил париков, кружевных галстуков и манжетов, не любил перчаток, из обуви предпочитал грубые сапоги. Дома ходил в засаленном халате (вообще не отличался аккуратностью и чистоплотностью). Не лакомился деликатесами — не мог долго сидеть за трапезой. Ел много, как того требовала его великанская конституция и неумная энергия, но самую простую пищу. В век, когда европейские монархи пытались подражать «королю-солнце» Людовику XIV и пышности Версаля, российский двор производил на иностранцев впечатление невероятной скромности, и это несомненно было благом для разоренной войнами страны. Из всех тогдашних венценосцев русского царя затмевал аскетизмом один лишь Карл XII — тот даже и вина не пил.

Впрочем, Петру, кажется, доставляло удовольствие обходиться малым — это соответствовало его ощущению комфорта. Он, выросший в тесных и низких теремных комнатах, не жаловал просторных помещений и высоких потолков. В Петербурге построил себе маленький домик, а путешествуя по Европе, очень не любил останавливаться во дворцах. В Париже он отказался жить в Лувре и в конце концов поселился в частном доме, где ночевал в гардеробной.

Любопытна дотошность, с которой властелин огромной державы со всеми ее богатствами, вел учет жалованья, получаемого им согласно чину (Петр играл сам с собой в «карьерную игру», постепенно присваивая себе все более высокие звания). В царских записях можно прочесть, что в 1707 году «полковничьего окладу» получено 2 598 рублей, из коих выдано «Анисье Кирилловне» на какой-то штоф 26 рублей, а Аврам-арапу (тому самому, пушкинскому предку) да Якиму-карле на платье 87 рублей 13 алтын 2 деньги.

В связи с «арапами и карлами» нельзя не затронуть тему знаменитого петровского юмора, придававшего специфический колорит всему царствованию.

Все современники и мемуаристы пишут, что царь любил подурачиться, причем разного рода шутовства обставлялись с невероятным размахом. Были и торжественные празднества — театрализованные шествия, манифестации, живые картины, которые устраивались по серьезным поводам, например по случаю очередной победы, но не меньше энергии Петр тратил на всевозможные безобразия.

ЛИЧНОСТЬ

Некоторые из развлечений, так сказать, «легкого жанра» были вполне в традициях московского двора — например, придворный штат карликов, «арапов» и прочих людей необычного вида. Карлики сопровождали Петра повсюду, он любил устраивать им свадьбы, во время пиров они неожиданно выскакивали из гигантских пирогов и так далее, но такого рода забавами потешался и тишайший Алексей Михайлович. Петр же находил особенное удовольствие именно в безобразиях — часто совершенно хулиганского толка. Ему нравились шутки самого грубого, низменного сорта: кататься на свиньях, налить кому-нибудь в нос уксуса, насильно упоить гостей до скотского состояния и т.п.

Однажды датский посланник Юст, уже сильно пьяный, отбиваясь от назойливого угощения, обругал государя и даже выхватил шпагу, то есть совершил тягчайшее из преступлений, но никаких последствий не было. Назавтра дипломат и царь попросили друг у друга прощения, потому что ни тот ни другой ничего не помнили и узнали об инциденте только от свидетелей. Этот случай закончился мирно, но так бывало далеко не всегда.

Юмор у Петра мог быть не только грубым, но и злым. Его явно раздражали благонравные московские бояре, которые, разумеется, относились к царским выходкам с осуждением. В отместку дебошир под видом веселья унижал и мучил тех, в ком подозревал недовольство.

► «И в тех святках что происходило, то великою книгою не описать, и напишем, что знатного, — рассказывает князь Борис Куракин. — А именно: от того начала ругательство началось знатым персонам и великим домам, а особливо княжеским домам многих и старых бояр: людей толстых протаскивали сквозь стула, где невозможно стать; на многих платье дирала и оставляли нагишом; иных гузном яицы на лохани разбивали; иным свечи в проход забивали; иных на лед гузном сажали; иных в проход мехом надували, отчего один Мясной, думной дворянин, умер. Иным многия другия ругательства чинили. И сия потеха святков так происходила трудная, что многие к тем дням приуговливались, как бы к смерти».

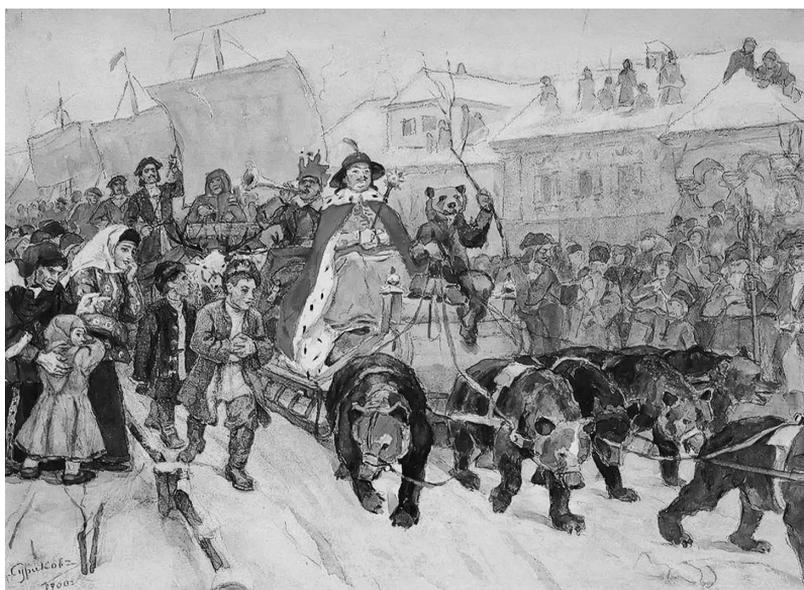
В натуре царя было нечто, требовавшее глума, надругательства, похабства. Одно из самых известных учреждений Петра — Всешутейший, Всепьянейший и Сумасброднейший Собор был создан еще в начале 1690-х годов, когда царь не правил, а лишь развлекался, но сохранилось

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

это странное учреждение и впоследствии. Царь собрал туда всевозможных уродов, дураков, обжор, пьяниц, скабрезников и год за годом наслаждался этой игрушкой, приводя в ужас обывателей отвратительными дебошами. Как в голове Петра совмещались представление о величии и юродское шутовство — непонятно.

Давая характеристику реформатора, Ключевский говорит: «Петр Великий по своему духовному складу был один из тех простых людей, на которых достаточно взглянуть, чтобы понять их». Мне же этот человек представляется невероятно сложным, сотканным из сплошных противоречий. Я бы сказал, что противоречивость — вообще главное свойство этой личности.

Прежде всего озадачивает контраст между фантастической масштабностью замыслов и постоянной заикленностью на мелочах. Это проявлялось не только в бухгалтерской регистрации расходов в «13 алтын и 2 деньги», а буквально во всем. Петру всегда мало было указать магистральное направление, он должен был составить пошаговую инструкцию, разметить каждый дюйм на обозначенном пути. Повелитель огромной страны, а впоследствии один из вершителей судеб Европы тратил

Большой маскарад в Москве. В.И. Суриков

ЛИЧНОСТЬ

большую часть своего драгоценного времени на детализацию собственных указов, часто на совершенную ерунду. Регламентация уставов и всевозможных правил, скрупулезное расписывание должностных обязанностей самых мелких чиновников, подробные указания, как кому одеваться, как стричь волосы, как бриться, в каких жить домах, как проводить свадьбы и как хоронить покойников, как торговать, какими серпами жать — вот основное времяпрепровождение «самодержавного властелина». Здесь, конечно, можно вспомнить о патологической детализации как части клинической картины кожевнической эпилепсии, но медицинская причина петровской «мелочности» не столь существенна. Важно, что с точки зрения административной методики Петр относился к числу правителей, строивших государство не по принципу стимулирования инициативы граждан, а по принципу строжайшего регламентирования — не слишком эффективная технология в условиях огромных просторов и плохих коммуникаций. Извечная российская беда — неорганизованность, безалаберность, неисполнительность — исторически объясняется непривычкой проявлять инициативу и думать своим умом; вечное государственное принуждение отбивало эти качества. Петр же пытался справиться с этой хронической болезнью, закручивая гайки еще туже.

▶ Петр норовил подвергнуть тотальной регламентации даже то, что предполагает полный отказ от каких-либо правил. Давайте посмотрим, как был устроен Всешутейший Собор. Он вроде бы создавался для всяческих дебошей и беспорядков. Но при этом в его структуре нет ни малейшего люфта для импровизации или отсебятины, правила жестче, чем в армии, а иерархической стройности позавидовала бы «Табель о рангах».

«Князь-папа» избирался на свою шутовскую должность посредством сложной процедуры и должен был исполнять предписания подробного ритуала. Каждый участник имел определенное звание: дьякон, архидьякон, архиерей, митрополит и т.п. Был определен и штат obsługi: «дураки», «плешивцы», «грозные заики». Существовал список кощунственных обрядов, скрупулезно расписывались наряды, даже матерные прозвища соборян закреплялись за ними на манер титулов. Иными словами, царь установил казенный порядок на территории чистого Хаоса, где культивировались буйство, пьянство и безобразие.

По психологическому типу Петр безусловно был «маньяком контроля». Вероятно, «жажда контроля» — вообще код для понимания механизма петровских поступков и реакций. Этот человек, кажется,

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

чувствовал себя уверенно и безопасно, только когда он контролировал всё и всех. Если же видел, что контроль утрачен, — впадал в судорожную ярость. Многие мемуаристы пишут, что Петр мог простить оплошность и неудачу, но не обман. Еще болезненнее он воспринимал измену или попытку бунта — именно в таких ситуациях царь становился безжалостен, чудовищно жесток. И обман, и предательство, тем более бунт — это выход из-под контроля.

Не так легко понять и еще одно противоречие, которое ставило в тупик современников. Осознание собственного величия и невероятное высокомерие, при котором царь ни за кем кроме самого себя не признавал права на личное достоинство, сочетались в нем с полным отсутствием спесивости и демократической простотой в общении. «Он удивительно умел совмещать в себе величие самое высокое, самое гордое, самое утонченное, самое выдержанное — и в то же время нимало не стеснительное», — отмечает Сен-Симон.

В отличие от всех прежних московских государей, недоступность которых сакрально оберегалась, Петр был готов общаться со всяким человеком, кто казался ему полезен или вызывал любопытство. В застольях он садился не на почетное место, а где придется, не делал различий между аристократами и простолюдинами, охотно затевал беседу с ремесленниками, случайными иностранцами, рабочими. Петровская «демократичность» проявлялась и в том, что знаменитая царская дубинка с одинаковой легкостью обрушивалась на спины солдат и генералов, слуг и князей.

Можно предположить, что для самого Петра никакого противоречия между величием и доступностью не было. Он был такого высокого мнения о своем положении, что с этой поднебесной высоты все подданные — хоть вельможа, хоть последний оборванец — казались ему холопами. Как выразился С. Платонов: «В его государстве не было ни привилегированных лиц, ни привилегированных групп, и все были уравнены в одинаковом равенстве бесправия».

Еще один давний предмет споров — вопрос о петровской храбрости. Несколько раз в драматические моменты царь проявлял постыдную трусость — или вел себя так, что были основания его в этом обвинять.

Вспомним, как ночью 8 августа 1689 года он панически, полураздетый, от одного только слуха о стрелецкой угрозе бежал из Преображенского, бросив мать и беременную жену.

ЛИЧНОСТЬ

Точно так же накануне Нарвского поражения в ноябре 1700 года Петр бросит свою обреченную армию, да и позднее в Белоруссии будет дважды, имея превосходящие силы, поспешно отступать перед небольшой армией Карла, которого он очень боялся (впрочем, небезосновательно).

Сходная история случится на последнем этапе Северной войны, в 1716 году, когда Петр в последний момент отменит десант на шведскую территорию, чем сильно испортит отношения с союзниками.

Вместе с тем царю случалось проявлять нештучную, даже излишнюю отвагу. По меньшей мере дважды он без трепета подставлял себя под пули: во время захвата двух шведских кораблей в мае 1703 года на Неве (это была первая, пусть скромная победа русских на воде) и в Полтавском сражении, где вражеские пули продырявили царю шляпу и седло.

Храбро он себя вел не только на поле брани, где решалось многое, но и в совершенно необязательных ситуациях. Собственно, одной из причин преждевременной смерти царя стала жестокая простуда, полученная поздней осенью 1724 года, когда Петр во время бури бросился в ледяную воду спасать гибнущее судно (если это, конечно, не красивая легенда).

Петр в Полтавском сражении. Кадр из фильма «Петр Первый». 1938 г.

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

Мало-мальски правдоподобный ответ на эту загадку душевного устройства государя может дать разве что невропатология: панические атаки — один из симптомов предположительного петровского диагноза.

Следующий поведенческий диссонанс, заставлявший очевидцев, в зависимости от ситуации, которую они наблюдали, давать русскому царю диаметрально противоположные оценки, — странное сочетание бесцеремонности и стеснительности.

▶ Сохранилось немало свидетельств того, как болезненно застенчив бывал русский царь во вроде бы не слишком напряженных обстоятельствах: за столом, где его любезно принимали в качестве почетного гостя, или просто на людях.

В сентябре 1697 года в Гааге, во время приема великого посольства Петру, находившемуся в зале неофициально, инкогнито, всего лишь понадобилось пройти мимо депутатов. Сначала царь потребовал, чтобы все отвернулись, а когда голландцы не стали этого делать, он перевернул парик задом наперед, прикрывшись, и пронесся к двери бегом.

Примерно так же он повел себя полгода спустя в Дрездене, выходя на площади из кареты: спрятал лицо под шапкой.

Подобное поведение, видимо, следует объяснять все той же психологической проблемой контроля. Попав в Европу, Петр впервые оказался среди людей, которые были ему неподвластны, а стало быть, неподконтрольны, непредсказуемы. Отсюда и крайняя неуверенность, дезориентация, усиленная отсутствием правильного воспитания — неумением себя вести. Во время первого заграничного путешествия русский царь воспринимался европейцами как властитель далекой варварской страны, как экзотический дикарь — Петр это чувствовал, что усиливало его растерянность.

Позднее, после Полтавы, отношение к российскому монарху переменилось. Его всюду принимали как очень важную персону, всячески с ним носились, угождали ему — и Петр стал ощущать себя иначе. Он не слишком обтесался, оставался таким же бесцеремонным, но от застенчивости не осталось и следа. Петр снова контролировал ситуацию. С европейцами он теперь обращался почти так же, как с собственными подданными, разве что не бил палкой.

▶ Сен-Симон рассказывает, что москвитяк запросто «брал первую попавшуюся карету, чья бы она ни была... садился в нее и приказывал везти себя куда-нибудь в город или за город. Такое приключение случилось с госпожой Матиньон, которая

ЛИЧНОСТЬ

выехала для прогулки: царь взял ее карету, поехал в ней в Булонь и в другие загородные места; а госпожа Матиньон, к удивлению своему, осталась без экипажа». В 1716 году в Данциге, слушая церковную проповедь, Петр замерз и ничтоже сумняшеся, без единого слова, сдернул с бургомистра парик, нахлобучил себе на голову, а потом молча сунул обратно. Точно так же он поступил бы у себя дома.

Очень трудно примирить петровскую любовь к святотатствам с его же религиозностью, а Петр, кажется, был человеком искренней веры: он хорошо знал службу, много и истово молился, любил церковное пение, сам пел на клиросе — и в то же время, кажется, получал особое удовольствие от кощунств — вроде тех, что приведены выше, в цитате из Льва Толстого. Вся эпопея с Всешутейшим Собором выглядит какой-то оргией богохульства и издевательством над авторитетом христианской церкви.

Историки пытались объяснить это борьбой с суевериями, раздражением против чрезмерного влияния патриархата и даже просто злостью на духовенство — «досадой на класс, среди которого видели много досадных людей» (Ключевский), однако некоторые обряды Собора глумились именно над церковными таинствами: венчанием, крещением, соборованием, отпеванием, рукоположением в священство. В формуле осенения благодатью «Святой Дух» заменяли «Бахусом», шутовски искажали «Символ Веры», непристойно переиначивали слова Писания и так далее. Любого другого человека, который позволил бы себе подобные вещи, в те времена сожгли бы на костре.

Как всё это совмещалось и соседствовало в сознании Петра с набожностью? Должно быть, грубая, темпераментная натура требовала таких же грубых, буйных развлечений. Уж отдыхать так отдыхать: с шумом, треском, грохотом, обильными возлияниями, непристойностями, а самой радикальной из непристойностей являлось нарушение священных табу. Глубинного, идеологического содержания искать здесь не следует.

Тема петровской идеологии вообще мало разработана. Сам он никогда ее не формулировал, поскольку не любил теоретизировать. Петр хватался то за одну, то за другую идею, нагромождал планы друг на друга, от каких-то из них потом отказывался, какие-то лихорадочно корректировал, росчерком пера менял жизнь целых сословий, бестрепетно губил гигантоманскими, подчас нелепыми прожектками десятки тысяч людей; подданные часто не понимали, чего царь добивается и зачем их терзает, однако за всей этой многосторонней, хаотической деятельно-

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

стью просматривается некая система взглядов, твердое представление о правильном и неправильном.

Попробуем реконструировать мировоззрение реформатора — это поможет нам лучше разобраться в сути его преобразований.

Стержень и главная цель всех петровских начинаний — максимальное укрепление государства, сильно расшатавшегося на протяжении семнадцатого века. Петр считал Служение Государству высшей ценностью — если угодно, национальной идеей. Ради этого он не жалел ни самого себя, ни тем более подданных.

В условиях восемнадцатого столетия государство могло быть сильным, лишь обладая мощной армией и флотом, развитой промышленностью, работоспособной бюрократической машиной, эффективной финансовой системой. Это и есть перечень взаимосвязанных практических задач, которые ставил перед страной реформатор.

Для их осуществления можно было задействовать разные опробованные мировой историей механизмы, самым надежным из которых было бы высвобождение созидательной энергии населения, ставка на естественное стремление людей жить лучше — чем зажиточнее народ, тем богаче и казна. Но Петр выбрал другой путь — сделал ставку на предельно жесткое «вертикальное» управление, основанное на беспрекословном исполнении приказов и страхе наказания.

Подобный метод функционирования требовал возврата к тотальной самодержавию времен Ивана Грозного — что вполне отвечало и складу петровской натуры с ее obsessией лично контролировать всё и вся. «Монархов власть есть самодержавная, которым повиноваться сам Бог повелевает», — говорится в одном из указов Петра, а в воинском уставе заявлено еще более решительно: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен, но силу и власть имеет, свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять». Казалось бы, армейский устав — не вполне логичное место для подобных деклараций, но Петр явно считал иначе. С его точки зрения, правильно устроенная страна должна была жить по единому, тщательно прописанному уставу — как вымуштрованная армия: маршировать в ногу, по команде делать поворот «кругом», во всем следовать единообразию.

По складу характера Петру не могла не импонировать концепция «регулярного» государства, выдвигавшаяся тогда целым рядом европейских политических философов. Эта система взглядов считала возмож-

ЛИЧНОСТЬ

ным создание идеального социального порядка за счет максимальной рационализации и регламентации управления: мудрый монарх издает ясные установления, послушный народ исправно им следует. Не слишком уповая на сознательность подданных, царь больше полагался на острастку и принуждение.

Служение государству освящалось некоей высшей целью, которую Петр называл «пользой и общим прибытком», то есть у него существовала и концепция всеобщего блага. «Наше единое намерение есть о их [подданных] благосостоянии и приращении пещися», — декларировал преобразователь, однако его представления о народном благосостоянии, кажется, были довольно туманны. Как пишет один из самых обстоятельных петровских биографов Николай Павленко: «Дать четкий ответ на поставленный вопрос не представляется возможным прежде всего потому, что этой четкости, видимо, не было и у самого царя, по крайней мере, мы ее не обнаруживаем в изданных им законах». В идеальном государстве, по Петру (как, впрочем, и по закону Чингис-хана), каждый житель добросовестно и усердно выполняет свои обязанности: крестьяне — пашут, платят подати и несут рекрутскую повинность, рабочие работают в поте лица, дворяне безропотно служат до старости, купцы честно торгуют и охотно делятся с государством барышами, женщины слушаются мужей и рожают много детей, дети учатся быть исправными подданными.

Для такого государства было нужно чрезвычайно дисциплинированное и в то же время не склонное к умничанью население. В идеальном мире Петра монарх — это Отец, а подданные — почтительные и послушные дети. Не случайно в миг наивысшего торжества, после победы над шведами, Петр примет в первую очередь звание «отца отечества» и лишь после этого императора всероссийского.

▶ В записках Нартова есть эпизод, дающий представление о петровских взглядах на правильные взаимоотношения государя с народом посредством несколько иной аллегории. «Государь, возвратясь из сената и видя встречающую и прыгающую около себя собачку, сел и гладил ее, а при том говорил: “Когда б послушны были в добре так упрямы, как послушна мне Лизета (любимая его собачка), тогда не гладил бы я их дубиною. Моя собачка слушает без побои; знать, в ней более догадки, а в тех заматерелое упрямство”».

Точно такой же виделась государю и идеальная семья. Нартов рассказывает, как камердинер Полубояров пожаловался царю на жену, которая уклоняется от ис-

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

полнения супружеских обязанностей, все время ссылаясь на зубную боль. «В один день, зашедши государь к Полубояровой, когда муж ея был в дворце, спросил ее: “Я слышал, болит у тебя зуб?” — “Нет, государь, — доносила камердинерша с трепетом, — я здорова”. — “Я вижу, ты трусишь”. От страха не могла она более отрицаться, повиновалась. Он выдернул ей зуб здоровый, а после сказал: “Повинуйся впрямь мужу и помни, что жена да боится своего мужа, инако будет без зубов”».

К великой досаде Петра, русские были мало похожи на Лизету, и выдирать им здоровые зубы во имя послушания приходилось часто. Одна из самых неприятных черт петровского мировосприятия — отношение к собственному народу. Про Петра можно сказать, что он был россифилом, то есть патриотом страны России, но при этом отъявленным русофобом. Он говорил: «С другими европейскими народами можно достигать цели человеколюбивыми способами, а с русскими не так: если б я не употреблял строгости, то бы уже давно не владел русским государством и никогда не сделал бы его таковым, каково оно теперь. Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделывать в людей». Костомаров пишет: «Задавшись отвлеченною идеею государства и принося ей в жертву временное благосостояние народа, Петр не относился к этому народу сердечно. Для него народ существовал только как сумма цифр, как материал, годный для построения государства».

При своей нетерпеливости, при незыблемой вере в силу принуждения Петр желал перековать народ на «правильный лад» немедленно, сию же минуту. Достичь этого, по убеждению государя, можно было, заставив людей строить всю свою жизнь по указке начальства, по установленным властью детальнейшим правилам. «Наш народ — яко дети, неучения ради которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают», — писал царь. В 1722 году он издал указ, строго-настрого постановивший, чтобы «никто не дерзал иным образом всякие дела вершить и располагать не против регламентов». Государю казалось, что достаточно издать правильный приказ — и люди переменяются.

Всю жизнь Петр сталкивался с одной и той же проблемой, приводившей его в гнев и тягостное недоумение: он всячески призывал своих генералов и администраторов, офицеров, чиновников проявлять инициативу, служить делу не за страх, а за совесть — и неизменно сталки-

ЛИЧНОСТЬ

вался с пассивностью, непониманием царской воли, нерешительностью, да и просто отлыниванием от дела.

Иначе не могло и быть. Беспрекословное, нерассуждающее повиновение, которого Петр добивался от подчиненных, и инициативная работа во имя общей цели — вещи совершенно несовместные. Оглядка на начальство, приоритет не пользы дела, а одобрения со стороны высших лиц станут вечной проблемой российского государственного аппарата и очень сузят область его компетентности. Брауншвейгский посланник Фридрих Вебер, оставивший ценные записки о Петре, сформулировал это следующим образом: «Там, где у русских господствует страх и слепое повиновение, а не рассудок, там они будут впереди других народов, и если царь продержит еще скипетр свой только двадцать лет, то он уведет страну свою, именно вследствие сказанного повиновения, так далеко, как ни один другой монарх в своем государстве».

Так оно потом и будет, в постпетровской России: с проблемами, которые решаются мобилизационным методом, страна справлялась гораздо лучше, чем с теми, где на одном страхе и повиновении далеко не уедешь.

Лица у мужчин должны быть одинаково безбородыми. И. Сакуров

Частная жизнь

Институт самодержавия устроен таким образом, что личная, интимная, а тем более семейная жизнь монарха влияют, причем весьма существенно, на политику. Не был здесь исключением и Петр, при том что государственный интерес всегда был для него неизмеримо важнее частного. Словно в отместку за это судьба подвергала царя — как мужа и в особенности как отца — тяжелым испытаниям.

Пытаясь составить портрет реформатора, я не коснулся темы, которая очень важна для оценки обычного человека: способности любить. Дело в том, что Петр не принадлежал к числу правителей, любовные увлечения которых сказываются на государственных делах. Он отнюдь не был эмоционально холоден, однако умел проводить границу между личным и государственным, а когда объединил одно с другим (в случае с Екатериной), то сделал это, как мы увидим, не от страсти, а по соображениям вполне рациональным.

Петр «на троне вечный был работник», но отнюдь не монах. Адмирал Франц Вильбуа, много лет состоявший при царе, говорит в своих записках: «Он был трудолюбив, но вместе с тем являлся настоящим чудовищем сладострастия. Он был подвержен, если можно так выразиться, приступам любовной ярости, во время которых он не разбирает пола», — стало быть, петровская судорожная порывистость распространялась и на эту сторону жизни. О том же пишет автор первой русской попытки осмысления исторической роли Петра князь Щербатов: «Крепость телесная и горячая кровь чинила его любострастна...» [делали его чувственным]. Впрочем далее сказано: «Он довольствовал свою плоть, но никогда душа его побеждена не была».

► Токарь Нартов с удовольствием пересказывает примеры того, как Петр сохранял в своих амурных приключениях трезвую голову.

В саардамском винном погребе, куда Петр ходил во время учебы на верфи, была красивая служанка, «а как государь был охотник до женщин, то и была она предметом его забавы». «Забава» имела вид вполне прозаический: царь «во все пре-

ЛИЧНОСТЬ

бывание свое в Саардаме, когда надобно было, имел ее в своей квартире и при отъезде на приданое пожаловал ей триста талеров» — для царственной особы очень экономно. Петр всегда был скуп на личные расходы.

Позднее, в Лондоне, он связался с «одною комедианткою по прозванию Кросс», расценки которой были существенно выше. Ей пришлось дать 500 гиней, да она еще и осталась недовольна, просила надбавки. «За пятьсот гиней у меня служат старики с усердием и умом, а эта худо служила своим передом», — отрезал Петр.

Нартов пишет, что государь «никогда... сердца своего никакой женщине в оковы не предавал, для того чтоб чрез то не повредить успехам, которых монарх ожидал от упражнений, в пользу отечества своего восприятых. Любовь его не была нежная и сильная страсть, но единственное только побуждение природы».

Петра женили в январе 1689 года шестнадцатилетним, ненадолго оторвав от игр с «потешными». Сделано это было из соображений сугубо политических. Во-первых, сочетавшись браком, Петр считался бы совершеннолетним, что повышало его статус. А кроме того, «старший царь» Иван Алексеевич был уже женат и его супруга ходила беременной. «Преображенская» партия очень боялась, что, если родится мальчик, правительница Софья захочет провозгласить его государем и потом спокойно регентствовать. Нужно было поскорее обзавестись собственным, «нарышкинским» наследником. Поэтому невесту подбирали главным образом по физическим данным — чтоб была крепка и способна к деторождению. Взяли девицу уже созревшую, тремя годами старше жениха. (Надо сказать, что в этом смысле Евдокия Лопухина не подвела — через год родила здорового мальчика, но к тому времени Нарышкины уже победили и соревнование с женой царя Ивана, с первой попытки родившей девочку, утратило прежнюю актуальность).

Род Лопухиных, к которому принадлежала избранница царицы Натальи Кирилловны, был не особенно знатен, но московские цари семнадцатого века и не стремились родниться с высшей аристократией — чтоб какое-нибудь и без того сильное семейство не возвысилось сверх меры. Невесте, которую с рождения звали Прасковьей Илларионовной, поменяли и имя, и отчество — она стала Евдокией Федоровной (Евдокией — в память о жене царя Михаила, Федоровной — в честь «Федоровской иконы», которой первого Романова благословили на царство). Девица была «лицом изрядная, токмо ума посредняго». Петр никогда ее не лю-

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

бил. Евдокия, воспитанная по-старинному, совершенно не разделяла увлечений непоседливого супруга, без конца жаловалась на его вечные отлучки и быстро ему надоела. К тому же она оказалась с характером — начала враждовать со свекровью. «Помянутая царица Наталья Кирилловна возненавидела царицу Евдокею и паче к тому разлучению сына своего побуждала, нежели унимала», — рассказывает бесценный хроникер эпохи Борис Куракин (ему же принадлежит ремарка касательно «по-средняго ума»).

После того как у Петра появилась постоянная фаворитка, он перестал вовсе интересоваться женой и еще в 1697 году, отправляясь в дли-

Евдокия Лопухина. Неизвестный художник. XVII в.

ЛИЧНОСТЬ

тельное заграничное путешествие, поручил тем самым людям, кто в свое время устраивал брак — Льву Нарышкину и Тихону Стрешневу, — уговорить Евдокию постричься в монахини. Царю ответили, что супруга «упрямитца». Не подействовали даже угрозы страшного князь-кесаря Ромодановского.

По возвращении Петр виделся с женой всего единожды. Встреча продолжалась целых четыре часа. Должно быть, царь пытался сам убедить Евдокию смириться с неизбежным. Но женщина отказалась, и тогда ее сослали в суздальский монастырь, где она противилась пострижению еще много месяцев. В конце концов ее сделали монахиней насильно.

▶ На этом заканчивается история первого петровского брака, но не заканчиваются злоключения инокини Елены (так, уже третьим по счету именем, теперь звалась бывшая царица). На двадцать лет о ней забыли. Она жила в обители хоть и не на свободе, но вполне безбедно, даже обзавелась любовником. Но в 1718 году, во время большого скандала с бегством царевича Алексея, Петр заподозрил Евдокию в сговоре с сыном и затеял расследование. Никаких политических интриг не обнаружилось — лишь факт «блудного сожительства», однако царь обошелся с несчастной женщиной жестоко: заточил в далекий Ладожский монастырь, а ее возлюбленного капитана Степана Глебова подверг истязаниям и казнил мучительной смертью — посадил на кол. На свободу Елена-Евдокия вышла лишь после смерти Петра и его второй жены, в 1728 году, и умерла, окруженная почетом. Рассказывают, что ее последние слова были: «Бог дал мне познать истинную цену величия и счастья земного». Если это не легенда, значит, к концу жизни Лопухина все же поумнела.

Та, ради которой Петр столь быстро охладел к законной супруге, умом тоже не отличалась. Зато она обладала очень важным достоинством — была существом из иного мира, который казался юному царю таким привлекательным.

Анна, ровесница Петра, была дочерью жителя Немецкой слободы Иоганна Монса, владевшего мельницей и аустерией. Известно, что царь познакомился с этой девицей через своего приятеля и собутыльника Франца Лефорта — вероятно, осенью 1691 года. «Анна Ивановна Монс, — повествует Нартов, — была дочь лифляндского [на самом деле вестфальского] купца, торговавшего винами, чрезвычайная красавица, приятного вида, ласкового обхождения, однакож посредственной ост-

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

роты и разума». Дело несомненно было именно в «обхождении» — веселость, бойкость и учтивость немки совершенно покорили неотесанного юношу, никогда прежде не видевшего подобных женщин.

Связь получилась долгой, десятилетней, причем со стороны Петра, кажется, было и сильное чувство. «Анна Ивановна» разбогатела, построила себе в слободе роскошный дом, ее называли «Кукуйской царицей». Москвичи, разумеется, басурманку ненавидели, иностранцы искали у нее протекции, но влияния на государственные дела фаворитка не имела — во-первых, Петр этого не поощрял, а во-вторых, она и не пыталась играть какую-то политическую роль. Эта женщина любила деньги,

Предположительный портрет Анны Монс. *Неизвестный художник. XVII в.*

ЛИЧНОСТЬ

но не власть и высоко не метила. Да и царственный любовник, кажется, ей был не мил. Впоследствии Петр говорил, что подумывал жениться и сделать немку царицей, однако Анна то ли по глупости, то ли по безрассудной смелости завела тайный роман с саксонским посланником Кенигсеком. Дело раскрылось случайно: весной 1703 года саксонец утонул в Неве, и в его бумагах была обнаружена любовная переписка. С этого времени Петр связь разрывает и Анна Монс перестает играть какую-либо роль при дворе.

▶ Удивительно, что царь с его бешеным нравом и болезненным отношением к измене не предал неверную любовницу казни. Более того — когда несколько лет спустя опальная фаворитка имела дерзость ходатайствовать о замужестве с другим посланником, прусским, Петр хоть и разгневался, но опять как-то умеренно: лишь на время посадил Анну под арест, а потом дал согласие. Нартов пишет, что государь проявил такое великодушие, «чтоб она... со временем почувствовала угрызение совести, колико она против него была неблагодарна». Вскоре (в 1714 году) несостоявшаяся царица умерла. По уверениям Нартова, она, «опмясь о нецененной потере, раскаивалась, плакала, терзалась и крушилась ежедневно» так сильно, что довела себя до чахотки.

Мягкость, проявленная Петром по отношению к неверной фаворитке, вероятно, объяснялась тем, что в 1703 году у царя появилась новая пассия.

Петр опять полюбил не соотечественницу, а иностранку. История ее жизни напоминает волшебную сказку.

Марта Скавронская родилась на самом низу тогдашней социальной лестницы — в семье не просто крепостного крестьянина, а крестьянина-беженца, вынужденного бежать из родной Литвы в Ливонию. Ее родным языком был польский. В трехлетнем возрасте девочка потеряла родителей и оказалась в рижском сиротском приюте. (Так повествует о ранних годах будущей императрицы Франц Вильбуа, оставивший очень подробный рассказ о взлете Екатерины, но существуют и иные версии ее происхождения, расходящиеся между собой. Источники сходятся только в одном: происхождение это было очень скромным.)

Каким-то образом Марта попала служанкой в дом известного ливонского просветителя, лютеранского пастора Иоганна Глюка, переводчика библии на латышский язык, а в дальнейшем основателя первой российской гимназии. Однако просвещать сироту пастор и не думал — она так и останется неграмотной.

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

В 1702 году Глюк служил священником в Мариенбурге (современный латвийский Алуксне), когда город был взят русскими войсками. Восемнадцатилетняя (по другим сведениям, шестнадцатилетняя) Марта только что вышла замуж за шведского солдата-кавалериста Иоганна Раабе (по другим сведениям, Крузе), но его часть накануне покинула крепость.

Впоследствии, годы спустя, ко всеобщему неудовольствию выяснится, что муж ее царского величества жив-здоров и даже находится в России — кавалерист попал в плен под Полтавой. Вообще-то это означало, что царский брак недействителен, но Петра подобные мелочи смутить не могли. По словам Вильбу, бедного Раабе-Крузе отправили «в самое отдаленное место Сибири», где через несколько лет законный супруг царицы и умер.

После падения Мариенбурга Марту ждала обычная участь молодых пленянок — она стала добычей победителей. Согласно распространен-

Петр забирает у Меншикова Марту Скавронскую. Лубок. XIX в.

ЛИЧНОСТЬ

ной и вполне правдоподобной версии, хорошенькая ливонка попала на глаза самому главнокомандующему Борису Шереметеву, который отобрал ее у солдат для собственных нужд. Несколько месяцев спустя нашелся новый ценитель красоты — у пожилого фельдмаршала Марту отнял царский фаворит Александр Меншиков. Вильбуа пишет: «С этим последним ей было приятнее, чем с первым. Меншиков был моложе и не такой серьезный». Еще некоторое время спустя красавица приглянулась часто бывавшему у Меншикова царю. Это само по себе пока еще мало что значило — мы знаем, как относился царь к мимолетным связям. После первой ночи он отдал рублем и уехал, однако через некоторое время истребовал наложницу у Меншикова уже для «постоянного пользования».

Эти мелкие детали исторически существенны. Во-первых, из-за того, что давняя симпатия царицы к Меншикову сыграет очень важную роль в борьбе за власть после смерти Петра. А во-вторых, неприглядный старт отношений между Петром и его будущей женой дает нам ключ к пониманию главного свойства Марты Скавронской: эта необразованная, совсем простая женщина обладала быстрым умом, удивительной цепкостью и природным психологическим даром. Она сумела понять то, чего, вероятно, не сознавал и сам Петр: какими качествами должна обладать его идеальная спутница.

Дальнейшее восхождение Екатерины Алексеевны Веселовской (так Марту стали звать после перехода в православие) было небыстрым, но верным.

Несколько лет она довольствовалась ролью постоянной любовницы, ведущей себя очень скромно и никого не раздражающей. Петр бывал у нее все чаще и чаще — в обществе этой женщины ему было спокойно и легко. В 1708 году он ценит «Катерину Веселовскую» еще не очень дорого — завещает ей три тысячи рублей, «ежели что мне случится волею Божию».

Затем выясняется, что Екатерина годна не только для любовных утех и отдыха, а может давать ценные советы, в том числе по вопросам государственным. «Он назначал аудиенции своим министрам и обсуждал с ними в присутствии Екатерины самые важные и самые секретные дела, — рассказывает Вильбуа. — Но вот во что трудно поверить: этот государь, отношение которого к женщинам было хорошо известно... не

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

только признал эту женщину способной участвовать в качестве третьего лица в беседах с его министрами, но даже хотел, чтобы она высказывала при этом свое мнение, которое часто оказывалось решающим или компромиссным между мнением царя и мнением тех, с кем он работал». Екатерина обладала врожденным тактом, очень хорошо чувствовала, когда ей нужно промолчать и когда можно говорить — и если уж говорила, то дельно и к месту.

Петр не выносил малейшей непокорности — его спутница была всегда покладиста, весела, неконфликтна. И нисколько не ревнива. Даже начав вести семейную жизнь, царь продолжал заводить «метресок». Екатерина относилась к этим интрижкам с добродушным юмором. Петру незачем было что-то от нее скрывать — он всегда мог рассчитывать на ее понимание и поддержку.

Уже говорилось, что Екатерина умела купировать приступы петровских судорог — ее голос и прикосновения оказывали на больного благотворное психотерапевтическое воздействие.

Огромное значение имело и то, что Екатерина легко и много рожала. Этим она выгодно отличалась от первой фаворитки Анны Монс, не принесшей Петру потомства. Государь все хуже относился к Алексею, сыну от Лопухиной, все чаще задумывался о другом наследнике, и плодовитость Екатерины позволяла надеяться, что проблемы с продолжением династии не возникнут.

Может быть, самым ценным достоинством Екатерины была ее готовность сопровождать царя в его бесконечных поездках. Она всегда находилась рядом — или приезжала по первому зову. Притом никогда не роптала и не жаловалась на тяготы. По выражению С. Соловьева, Екатерина была «походной, офицерской женой» — то есть именно такой подругой, в которой нуждался Петр.

Главный поворот в судьбе Екатерины свершился именно в походе: в 1711 году она была с Петром во время несчастной турецкой кампании и проявила себя так блестяще (об этом — в свое время), что царь в благодарность учредил орден Святой Екатерины, а в феврале 1712 года венчался с «сердешеньким другом Катеринушкой».

Новой высоты Екатерина Алексеевна достигла в мае 1724 года, когда Петр устроил для жены особую церемонию коронации. Год спустя титул коронованной императрицы станет формальным основанием того, что Екатерина Первая окажется самодержицей всероссийской.

ЛИЧНОСТЬ

▶ Многие находили петровскую избранницу вульгарной, невоспитанной да и не очень-то красивой. Дочь прусского короля Вильгельмина, девочкой видевшая Екатерину, оставила весьма нелестное описание русской царицы: «Она была мала ростом, толста и черна; вся ея внешность не производила выгодного впечатления. Стоило на нее взглянуть, чтобы тотчас заметить, что она была низкого происхождения. Платье, которое было на ней, по всей вероятности, было куплено в лавке на рынке; оно было старомодного фасона и все обшито серебром и блестками. По ее наряду можно было принять ее за немецкую странствующую артистку... На царице было навешано около дюжины орденов и столько же образков и амулетов, и когда она шла, все звенело, словно прошел наряженный мул».

Но для Петра не имело важности, что думают о его браке окружающие. Он с Екатериной был счастлив.

Однако в последние месяцы жизни Петра эта многолетняя идиллия была разрушена. Екатерина приблизила к себе — неординарный поступок — брата прежней фаворитки Анны Монс, к тому времени уже умершей. Кто-то из недоброжелателей царицы донес, что она находится в связи с камергером Виллемом Монсом. Расчет, вероятно, строился на том, что царь вспомнит об измене другой представительницы этой фамилии. Сомнительно, что Екатерина с ее умом и осторожностью пошла бы на такое безрассудство, но царь поверил в неверность жены и пришел в ярость. Монса арестовали по обвинению в воровстве и каком-то мелком взяточничестве, после чего сразу же казнили. Петр повез жену к эшафоту и показал голову ее предполагаемого любовника, торчавшую на колу. Екатерина бесстрастно заметила: «Как грустно, что у придворных может быть столько испорченности», но отношения между супругами разладились. Вплоть до самых последних дней смертельной болезни царь жену к себе не подпускал. Неизвестно, какая участь ожидала бы Екатерину, проживи Петр дольше.

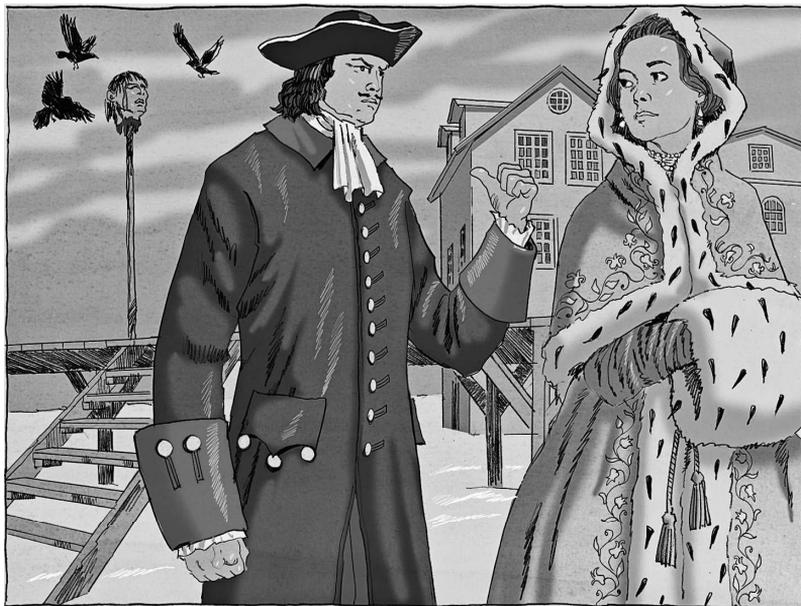
Если супружеская и любовная жизнь царя была драматичной, то его родительская судьба состояла из сплошной череды трагедий. Первая жена родила ему двоих (по некоторым источникам, троих) мальчиков, вторая не то двоих, не то (опять-таки по неподтвержденным сведениям) четверых, но ни один из сыновей не пережил отца. Из шести дочерей четыре умерли в детском возрасте. В эпоху, когда детская смертность была очень высокой, горюющие родители обычно утешались неиспове-

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

димостью Божьего промысла, но главное потрясение — утрата первенца — было делом рук самого Петра.

Царевич Алексей появился на свет в 1690 году. Его ранние годы пришлись на эпоху, когда Петру было совершенно не до воспитания наследника, и мальчик находился на попечении матери, Евдокии Лопухиной, брошенной жены. Ей и ее окружению любить царя было не за что. Все надежды на лучшее будущее связывались у них со временем, когда Петра не станет и на престол взойдет Алексей Петрович.

В восемь лет царевич лишился матери, сосланной в монастырь, и остался наедине с грозным отцом, но и теперь Петр почти не виделся с сыном, всегда занятый если не большими делами, то своими сумасбродными забавами. Правда, он распорядился дать Алексею европейское образование. Мальчика научили французскому и немецкому, основам математики, географии и истории. Иногда, как бы спохватываясь, царь брал сына на войну, пытался приобщить его к армейским и государственным заботам, но делал это со своей обычной гневливой нетерпеливостью, вызывавшей у робкого, скрытного подростка лишь парализующий ужас.

«Как грустно!» Рисунок И. Сакурова

ЛИЧНОСТЬ

Впоследствии, письменно отвечая на письменный же вопрос отца: «Что причина, что не слушал меня и нимало ни в чем не хотел делать того, что мне надобно?», Алексей объяснил это так: «Моего к отцу моему непослушания и что не хотел того делать, что ему угодно, хотя и ведал, что того в людях не водится и что то грех и стыд, причина та, что со младенчества моего несколько жил с мамою и с девками, где ничему иному не обучился, кроме избных забав, и больше научился ханжить, к чему я и от природы склонен». Но главной причиной, по-видимому, было то, что сильный, деспотический характер Петра подавлял в мальчике всякую волю. Страх — вот единственное чувство, которое Алексей испытывал по отношению к родителю.

▶ Приведу эпизод, демонстрирующий всю силу этого безумного страха. Вернувшись из Дрездена после курса инженерного обучения, Алексей должен был пройти экзамен у отца. Петр велел показать чертежи, исполненные сыном. Чертежи были, но, по-видимому, Алексей рисовал их не сам. Выйдя из комнаты, он вдруг испугался: что если государь велит сделать новый чертеж прямо сейчас? Спасение только одно — повредить себе руку. Потеряв от ужаса голову, царевич схватил пистолет и попытался прострелить себе ладонь...

Как свойственно слабым натурам, Алексей Петрович находил утешение в пьянстве, а спяну нес лишнее в своем ближнем кругу. Серьезных людей там не было, все такие же болтуны, которые, разумеется, мечтали о том, как царевич станет самодержцем. Дальше разговоров дело не шло.

Наконец, близ Алексея появился человек более или менее решительный, хоть тоже неумный — некто Александр Кикин, бывший соратник Петра, попавший в опалу за непомерное взяточничество. Кикин поддал молодому человеку новую идею: бежать за границу и там, в покое и безопасности, дожидаться отцовской смерти, когда корона сама упадет в руки.

В 1711 году царь женил сына на немецкой принцессе Софии-Шарлотте. В 1715 году у молодой четы появился сын Петр (будущий Петр II), но роды были тяжелыми, и женщина умерла. Однако ее родная сестра была замужем за австрийским императором, и Алексей мог надеяться, что его как близкого свойственника приютят при венском дворе.

Положение царевича делалось все более тяжелым. Отец был в нем разочарован, грозил лишить наследства «яко уд гангранный». Писал:

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

«За мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя, непотребного, пожалеть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный». Алексей отвечал, что он и не хочет царствовать, просил отпустить его в монастырь, ибо он из-за слабого здоровья «непотребен стал к толикого народа правлению, где требует человека не такого гнилого, как я».

Петр, находившийся в то время в западной Европе, потребовал сына к себе для окончательного разговора. Этим вызовом Алексей и воспользовался для осуществления кикинского плана: из России выехал, но не к отцу, а к шурина, австрийскому императору Карлу VI. Это произошло осенью 1716 года.

Не буду сейчас останавливаться на описании сложной политической ситуации, в которой произошел этот международный скандал, — об этом будет подробно рассказано в свое время, но бегство наследника, конечно, стало для отца очень тяжелым ударом. Он, так болезненно переживавший всякую неверность, был предан и опозорен собственным сыном на глазах у всей Европы!

Насчет того, что ему будут рады в Австрии, неопытный в европейской дипломатии царевич заблуждался. Император не захотел сориться с могущественным русским царем и помог его эмиссарам выманить эмигранта обратно в Россию. Алексей не соглашался ехать, боялся наказания, но австрийцы пригрозили разлучить его с любовницей Евфросиньей, к которой молодой человек был очень привязан. Это решило дело.

На родину беглец поехал, получив от отцовских посланцев, Петра Толстого и капитана Румянцева, заверения, что ему ничто не грозит — кроме лишения прав на престол, которого Алексей и сам не желал. В сохранившемся письме Евфросинье он мечтает, что его «от всего уволят» и что «нам жить с тобою, будет бог изволит, в деревне и ни до чего нам дела не будет».

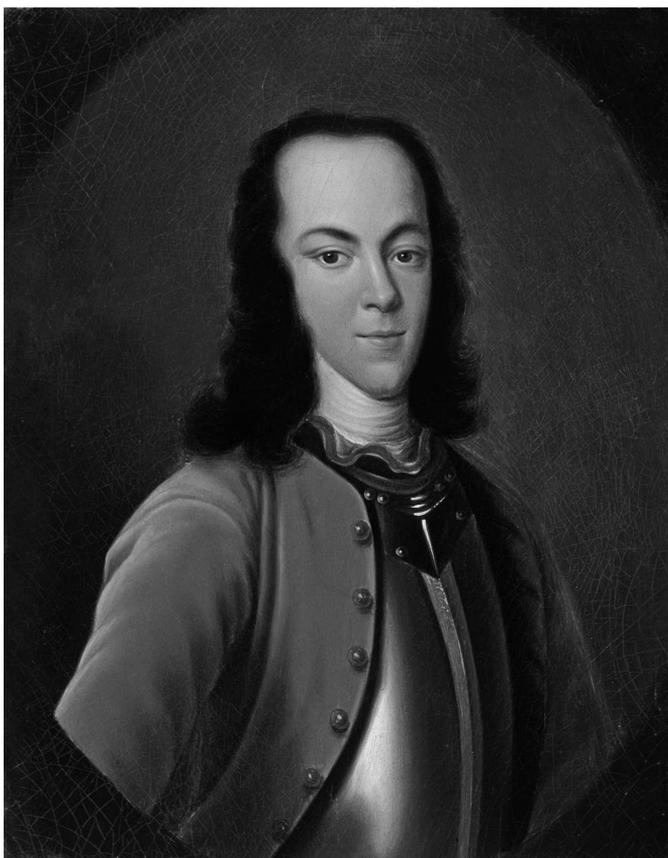
Очень возможно, что в первоначальные намерения Петра действительно входило лишь отречение сына от престолонаследия. Алексея заставили подписать акт отречения от прав, после чего был обнародован соответствующий манифест.

Но затем повторилось то же, что было двадцатью годами ранее, после стрелецкого мятежа, когда болезненная подозрительность заставила Петра устроить повторное расследование. Там, где не было ничего кро-

ЛИЧНОСТЬ

ме инфантильности, безответственности и пустых разговоров, царю мерещился некий огромный заговор, объединивший всех его врагов. Начались аресты знакомцев Алексея, а заодно под следствие попала и его монахиня-мать (это, как уже было сказано, закончилось для нее личным горем).

Взялись и за самого царевича. Его не только допрашивали, но подвергали пыткам — небывалое дело в истории российской монархии. Разумеется, истязали и остальных. Люди это были слабые, не храброго десятка, готовые признаться в чем угодно, только бы не висеть на дыбе. Чтоб избежать мук, каялся в том, что было и чего не было, сам Алексей.

Царевич Алексей. *Неизвестный художник. XVIII в.*

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

Однако никакого злодейства кроме досужей болтовни и составления планов эмиграции так и не выявилось. Худшую вину возвел на себя сам царевич — сознался, что желал отцу смерти. Тем, вероятно, он себя окончательно и погубил.

Нескольких человек, объявленных соучастниками (не очень понятно но чего именно), предали казни, но что было делать с родным сыном государя?

Петр принял совершенно беспрецедентное решение: отдать царевича под суд духовных и светских властей. Преступления, в которых обвиняли Алексея, могли караться только казнью, но церковные иерархи уклонились от вынесения страшного вердикта. Зато сенаторы и министры, угадывая желание государя, 24 июня 1718 года вынесли смертный приговор.

Два дня спустя при так и не установленных обстоятельствах Алексей скончался в камере Петропавловской крепости. Может быть, его финал и не был насильственным, но очень уж быстро и удобно нашелся выход из неразрешимой ситуации: проливать на эшафоте царскую кровь было нельзя; заменить смерть на тюремное заключение тоже опасно. Из тюрьмы ведь можно и выйти, и неизвестно, какие силы сделают ставку на осужденного царевича, если его отец вдруг умрет.

Скорее всего правы те историки, кто полагает, что Алексея умертвили. Но если он умер и сам по себе, вследствие перенесенных пыток, все равно виноват в этом Петр, второй сыноубийца среди русских царей после Ивана Грозного (но тот хоть пролил кровь наследника сгоряча и, в общем, ненамеренно).

В момент смерти царевича, в 1718 году, Петру казалось, что судьба династии надежно защищена: у Екатерины, к тому времени уже законной царицы, рос мальчик Петр-младший. Но в следующем году малыш, не отличавшийся крепким здоровьем, скончался. У царя произошел тяжелый припадок его всегдашней болезни, он три дня ничего не ел и не показывался на людях.

Потом Екатерина произвела на свет еще одну, последнюю дочь (она умрет ребенком), и через некоторое время стало ясно, что детей у августейшей четы больше не будет.

У Петра возникла проблема — кому оставить державу?

ЛИЧНОСТЬ

Выбор был трудный. Все сыновья умерли. Был внук, но Петр испытывал к нему сложные чувства, поскольку на мальчике лежала тень ошельмованного и замученного отца. Были дочери, но малолетние и к тому же рожденные вне брака — до того, как Екатерина стала законной женой.

Царевен Петр рассматривал главным образом как полезный государственный актив — средство для заключения выгодных союзов. С этого времени возобновляется традиция бракосочетаний с иностранными правящими домами, в свое время прервавшаяся по двум причинам: во-первых, из-за строгого отношения москвитов к иноверию, а во-вторых (и это главное), из-за низкого международного престижа Московского царства. Невесты и женихи из слабого «варварского» государства, имевшие нагрузку в виде своей «схизматической» религии, никому не были нужны.

Теперь всё переменялось. Россия стала важной страной, одной из великих, ну или почти великих держав, и оказалось, что иностранные женихи совершенно не возражают против того, чтобы российские невесты сохраняли приверженность вере предков.

Матримониальный спрос был так велик, что политическую ценность приобрели даже племянницы Петра, тихо жившие в скромном подмосковном дворце Измайлово со своей вдовствующей матерью. Тем больше выгод можно было извлечь из царских дочерей — Анны (р. 1708) и Елизаветы (р. 1709).

Обе они оставят, каждая на свой лад, след в российской истории.

Анна Петровна будет сосватана за гольштейн-готторпского герцога, умрет двадцатилетней, но успеет родить сына, будущего Петра III, от которого пойдут все последующие Романовы (полностью династия будет называться «Гольштейн-Готторп-Романовы»).

Елизавете Петровне отец прочил блестящую партию — хотел выдать за французского короля. Из этого проекта ничего не вышло, Елизавета останется незамужней, зато со временем займет российский престол.

В начале 1720-х годов Петр, похоже, колебался — кому передать корону. Умирать император и «отец нации» не собирался, он был еще не стар, но ему хотелось законодательно утвердить за собой право выбора наследника — контролировать даже то, что случится после его смерти.

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

Так в 1722 году был принят новый закон о престолонаследии, отменявший традиционный принцип старшинства по первородству и утверждавший за государем право назначать преемника собственной волей. Самодержавие стало еще тоталитарнее.

Отмена института «естественного наследника», столь важного для монархии, было довольно рискованным шагом, за который Россия заплатит в восемнадцатом столетии многочисленными переворотами: переход власти к следующему правителю почти всякий раз будет сопровождаться заговорами и потрясениями.

Вероятнее всего Петр провел эту реформу, собираясь завещать власть жене — не случайно вскоре после этого состоялась ее торжественная коронация. Безродная Екатерина не имела бы иного выбора кроме как беречь новый формат государства. Возвращение к старине для нее было бы гибельно.

Однако вышеупомянутое «дело Виллема Монса», разразившееся осенью 1724 года (почти наверняка интрига, удачно осуществленная врагами императрицы), заставило царя усомниться в правильности этого решения. Так и вышло, что в конце января 1725 года, когда царь уже находился в агонии, придворные не знали, кому достанется корона: вдове, внуку или кому-то из дочерей.

Теперь, ознакомившись с личностью и частной жизнью человека, возглавившего реформы, перейдем непосредственно к событиям, которые приведут к созданию новой государственной формации. Она окажется довольно прочной и просуществует двести лет, вплоть до 1917 года.

СОБЫТИЯ

Царь, который не хочет царствовать

Сентябрь 1689 — февраль 1694

Власть, за узурпацию которой Петр так ненавидел сводную сестру Софью, досталась ему не без волнений, но бескровно в начале осени 1689 года. «Младший царь» просто сидел в подмосковном Троицком монастыре и ждал, пока закончится миграция перебежчиков из лагеря Милославских в лагерь Нарышкиных. Милостиво принимал всех прибывающих, ни во что не вмешивался. Когда правительница наконец осталась одна, всеми брошенная и бессильная, Петр написал «старшему царю» брату Ивану письмо (скорее всего просто подписал), в котором была обозначена формула нового политического режима: «А теперь, государь братец, настoit время нашим обоим особам богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли еси в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей, с нашими двумя мужескими особами в титлах и в расправе дел быти не изволяем... Тебе же, государю брату, объявляю и прошу: позволь, государь, мне отеческим своим изволением, для лучшие пользы нашей и для народного успокоения, не обсылаясь к тебе, государю, учинить по приказам правдивых судей, а неприличных переменить, чтоб тем государство наше успокоить и обрадовать вскоре». То есть Ивану объявлялось, что он будет фигурой сугубо декоративной и его даже не станут извещать о принимаемых решениях.

12 сентября 1689 года новая власть «учинила по приказам» собственных судей — выражаясь по-современному, сформировала правительство, и Петр сделался не титульным, как в предыдущие семь лет, а настоящим царем. Однако никакого желания править семнадцатилетний

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

государь не проявлял. На несколько лет государство оказалось под властью нарышкинского клана, их родственников и сторонников.

Самой важной особой в новой администрации стал 25-летний Лев Нарышкин, возглавивший Посольский приказ, брат Натальи Кирилловны (генерал Патрик Гордон называет боярина «первым министром»). Родственник царицы Тихон Стрешнев получил Разрядный приказ, ведавший государственными назначениями; Петру Лопухину, дяде молодой царицы Евдокии, досталось управление делами царского двора; возвысился двоюродный брат Натальи Кирилловны окольныйничий, а затем и боярин Иван Головкин — иными словами, это было правительство родственников. Все прочие должностные лица, по выражению Куракина, остались «без всякаго повоире [rouvoir — власти] в консилие или в палате токмо были спектакулеми [зрителями]». Самый толковый деятель из окружения «младшего царя», сыгравший ключевую роль в перевороте, — Борис Голицын был не связан с Нарышкиными ни родством, ни свойством и потому оказался всего лишь главой приказа Казанского дворца (генерал-губернатором Поволжья).

При равнодушном Петре и больном Иване главой государства фактически сделалась бездеятельная царица Наталья, мало во что вмешивавшаяся. Ключевский пишет: «Всплыли наверх все эти Нарышкины, Стрешневы, Лопухины, цеплявшиеся за неумную царицу». Современник Куракин сообщает: «Правление оной царицы Натальи Кирилловны было весьма непорядочное, и недовольное народу, и обидимое. И в то время началось неправо правление от судей, и мздоимство великое, и кража государственная».

Дела пошли еще хуже, чем при Софье и Голицыне. Замерла внешнеполитическая деятельность, в совершенный упадок пришла регулярная армия. Правительство не желало расходовать деньги на содержание полков «иноземного строя», их число резко сократилось. При Василии Голицыне страна держала восемьдесят тысяч солдат, а всего пять лет спустя, ко времени Азовских походов, их останется тысяч тридцать. Войско вновь, как в шестнадцатом столетии, теперь в основном состояло из мало на что годного дворянского ополчения и казачьих отрядов.

Вместо реформ страна, наоборот, откатилась назад. Всё вновь обустроилось по-старинному. Большое влияние приобрел патриарх Иоаким, человек суровых, консервативных взглядов. Он не любил иностранцев и боролся с их засилием, выслал из России иезуитов, стал жечь на кострах

СОБЫТИЯ

еретиков и «колдунов». В 1690 году Иоаким умер, понадобился новый глава церкви. Петр был за кандидатуру псковского митрополита Маркела, слывшего человеком просвещенным, но Наталья Кирилловна и ее родственники решили, что у Маркела «слишком много учености» (пишет Гордон), и поставили патриархом казанского митрополита Адриана «ради его невежества и простоты». В это время, стало быть, Петр никаким влиянием еще не пользовался и настоять на своем не умел.

Царь даже не переселился в кремлевский дворец, а продолжал оставаться в Преображенском, где ему жилось вольготней, и всюю предавался забавам. Разница состояла только в том, что теперь он мог это делать с меньшими ограничениями и большим размахом.

Например, Петр стал активно общаться с иностранцами, да и те, в свою очередь, уже не опасаясь вызвать неудовольствие Софьи, всюю старались угодить юному царю. Это сближение происходило вовсе не так быстро, как изображают в исторических романах и фильмах. Поначалу Петр все-таки был вынужден соблюдать определенные правила. Он стал одеваться по-европейски, «от башмаков и чулок до парика», лишь после смерти сурового Иоакима, да и в гостях у иностранца (генерала Гордона) впервые побывал лишь через месяц после кончины патриарха — в апреле 1690 года. Со временем визиты в Немецкую слободу участились. Тогда же в жизни Петра появился Франц Лефорт, русский офицер женевского происхождения. Это был человек веселый, обаятельный, гораздый на выдумки, многое повидавший. По аттестации Куракина, которого так приятно цитировать, Лефорт был «слабого ума и не капабель [неспособный]», зато «денно и ночью был в забавах». Неотесанный юноша, у которого развязность легко сменялась застенчивостью, буквально влюбился в этого блестящего кавалера. «Он ввел Петра в иноземное общество в Немецкой слободе, где царь нашел полную непринужденность обращения, противоположную русской старинной чопорности», — пишет Костомаров. Вскоре в жизни Петра появилось еще одно сильное увлечение — Анна Монс. В начале 1690-х годов царь, кажется, проводил больше времени на Кукуе, чем в своем скучном дворце. Тогда же сформировались его прочные пристрастия: к европейскому образу жизни (вернее, кукуйскому, то есть довольно специфическому), к шумным попойкам — говоря шире, ко всяческому нарушению постылых старомосковских обычаев.

Непохоже, чтобы под влиянием Лефорта и прочих подобных весельчаков царь научился чему-то полезному — разве что немного объяс-

АЗИАТСКАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

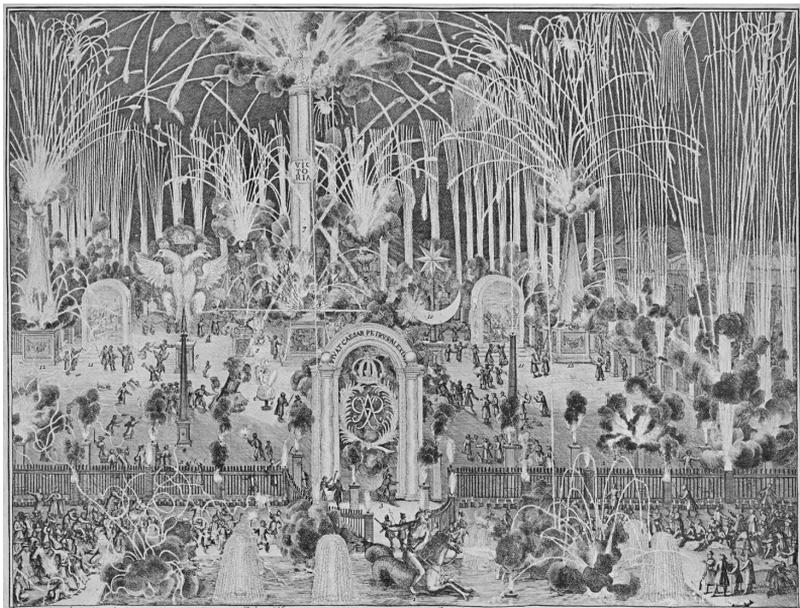
няться по-немецки, да и то по большей части просто вставлял в русскую речь отдельные иностранные слова и выражения, иногда безбожно их перевирая.

Кажется, главным увлечением Петра в это время были фейерверки. В ежедневных записках Гордона царь в основном упоминается в связи с очередным салютом. «Как тогда обычай был на конец кроновала или на маслянице на Пресне, в деревне их величества, по вся годы, потехи огненные были деланы, — рассказывает и Куракин. — И, правда, надобное сие описать, понеже делано было с великим иждивением, и забава прямая была мажестé [величественная]».

Военные игры, которыми продолжал развлекаться Петр, по-прежнему оставались не более чем забавой, просто теперь выросли ее размеры.

Осенью 1690 года состоялось ристалище, в котором участвовало не менее двух тысяч человек: «потешные» и дворянская конница против стрелецкого полка.

Год спустя игра повторилась в еще большем масштабе: стрелецкой армии противостояла армия западного строя («потешные», солдаты,

Московский фейерверк. Офорт А. Шхонебека. 1697 г.